

Тина ВАЛЕ (г.Москва) Из цикла «Всякое бывало»

Не переварятся, так выйдут

Иван Петрович, главный инженер завода — очень крупный мужчина. Рост у него был под два метра и был он таким тучным, что когда с кем-то говорил, собеседника из-за его спины не было видно. На заводе рабочие называли его просто Петрович. Любил он покушать. В административном корпусе размещалась большая столовая. Так Петрович сначала обедал в ней, а потом шёл домой — покушать биточки с картошечкой и жареным лучком. Видно, жена жарила их каждый день, потому что, выйдя из столовой, он всегда говорил сотрудникам, с которыми обедал вместе: «Ну, вы, ребята, отдыхайте, а я пойду домой, биточки покушаю. Жена моя их очень хорошо готовит».

Позади административного корпуса стояла слесарная мастерская. В ней работал пожилой мужчина очень благообразного вида с усами, как у И. В. Сталина. Звали его Иосиф Семёнович. Сотрудники называли его кто Коба, кто Семёныч. «Рукастый» был мужчина. Что ни делал, всё у него хорошо получалось. С главным инженером у него были очень хорошие отношения. Семёныч частенько бывал у него дома, что-нибудь ремонтировал за бутылочку водки. Петрович же частенько заходил в мастерскую

пообщаться с ним, заодно распить бутылочку, что дал ему накануне.

Как-то главный зашёл к Семёнычу, тот мастерил небольшую шкатулку для всякой всячины — на заказ. Рядом с материалом для шкатулки лежали маленькие гвоздики, ну такие маленькие, что их почти и видно не было. Петрович пришёл с полбуханкой чёрного хлеба, нарезанного на ломти. На них толстым слоем было намазано сливочное масло, поверх которого лежали куски селёдки с кольцами лука. Петрович прошел к верстаку, развернул свои бутерброды и почему-то положил их прямо на маленькие гвоздики. «Семёныч, давай по стопочке дерябнем. Надо немного расслабиться. Закуску я принёс», — сказал главный и разлил по стаканам поллитровку, которую накануне заработал слесарь, ремонтируя у него дома кран. У Семёныча оказался солёный огурчик, оставшийся от обеда. Он выпил полстакана, крякнул и закусил половинкой огурчика. Главный выпил целый стакан и закусил бутербродами с селёдкой. Когда он съел последний ломоть хлеба, на верстаке оставался только один маленький гвоздик. Остальных как будто и не было. Семёныч посмотрел на место, где они лежали, почесал затылок и спросил с досадой: «Ты что, съел все гвозди с хлебом?» При этом он допил водку и заел остатком огурчика. «Да ну, скажешь тоже. Как я мог гвозди съесть? Ты подумай», — ответил главный. Но при этом настороженно погладил себя по огромному животу, потом спросил с испугом: «А что, Семёныч, гвозди-то очень острые были?» «Гвозди, как гвозди. Не переживай. Видно они прилипли к хлебу, ты и не заметил. Тем более, что хлеб был с маслом. Так смазанные и прошли. Да выйдут, не переживай. Они же не перевариваются», — успокоил главного Семёныч. Оба вздохнули.

Через два дня слесарь зашёл в кабинет к Петровичу с четвертинкой спросить его, как гвозди — вышли или ещё нет. «Зря беспокоишься. Я думаю, что смахнул их бутербродом на пол, иначе почувствовал бы, когда ел закуску. Они же хоть и маленькие, но твёрдые, не жуются. А вообще, даже, если съел, будем считать, что вышли. Пузо-то не болит», — сказал ему главный, поглаживая себя по животу. «Тогда давай отметим это, — предложил Семёныч, — я с собой чекушку принёс. Лучше здесь с конфеткой отметим, а то в мастерской ещё чего-нибудь прилипнет. Конфеты-то «Тянучка молочная» называются».

Выпили они по «лафетничку», закусили конфетами, и рассмеялись.

Цветы — украшение цеха

□

У главного инженера завода были два заместителя. Один — по производственной деятельности, другой — по кадрам и хозяйству. Заместителя по производственной линии звали как легендарного комдива Чапаева — Василий Иванович. Поэтому рабочие завода за глаза называли его Чапай.

В начале каждого месяца в сборочных цехах было затишье, потому что не хватало нужных деталей для сборки приборов. К середине месяца работа налаживалась, а к концу уже был полный аврал, потому как нужно было выполнять план. Чапай прибегал на участки цеха в конце каждого месяца, когда наступал тот самый аврал и кричал на мастеров, погоняя их — внушительно, с матом.

На одном из участков сборочного цеха контролёром работала Мария Сергеевна. Она была единственной женщиной, работающей на том участке. Так что Чапай, перед тем как кричать, вежливо просил её выйти на время за пределы своего рабочего места.

В цехе на подоконниках стояли цветы. Много цветов. Разведением их занималась Мария Сергеевна. Сотрудники называли её «цветоводом». Она регулярно поливала цветочки, подкармливала специальным удобрением, поэтому они хорошо росли и красиво смотрелись. Из других цехов завода приходили и просили у неё отростки. «Цветовод» им не отказывала.

В последнее время в конце каждого месяца цветы начали раздражать Чапая. «Развели здесь оранжерею! — кричал он на Марию Сергеевну без мата, — эти твои цветочки только отвлекают трудящихся от производственной деятельности! Чтобы их завтра же не было!» Когда Мария Сергеевна вышла с участка на несколько минут, он набросился на мастеров, теперь уже с матом: «Цветы расслабляют рабочих, снижают

производительность труда! Приказываю отнести цветы в заводоуправление и в раздевалку!» Мастера участков цеха ослушаться заместителя главного инженера завода не решились. В обеденный перерыв все цветы отнесли в административный корпус завода. Разместили их в кабинете секретаря директора, в парткоме, в комнате комитета комсомола. Часть цветов поставили на подоконники коридоров каждого этажа. Из других цехов завода тоже притащили цветы в административный корпус. Их было так много, что некоторые решили взять домой по цветочку, потому что ставить некуда, а выбрасывать жалко.

На завод часто приезжали знакомиться с производством делегации — из Болгарии, Венгрии. В этот раз приехала делегация из Германии. Когда члены делегации пошли по цехам, один из них спросил: «А почему в вашем сборочном цехе нет цветов? Ведь они составляют интерьер цеха, радуют красотой, создают уют, повышают производительность труда рабочих. Надо развести цветы».

Василий Иванович в составе руководства завода сопровождал делегацию. Услышав замечание, он приказал немедленно разыскать секретаря комсомола, чтобы тот организовал вынос горшков с цветами по цехам завода. «Мы же не успеем расставить их до прихода делегации», — сказал подошедший секретарь. «Тогда пусть несколько комсомольцев возьмут по два горшка с цветами и бегут с ними в тот цех, куда они направляются. Я буду информировать вас, куда немцы идут, а вы бегать», — приказал Василий Иванович. Так и сделали. Пятеро комсомольцев принесли по два горшка с цветами и бегали с ними из цеха в цех, куда шла делегация, расставляя их на подоконники. Когда немцы уходили из очередного цеха, ребята хватали горшки с подоконников и мчались с ними обходными путями в другой цех.

Наконец, немецкие гости уехали. Директор завода вызвал Чапая «на ковёр» и приказал, чтобы все цветы, что вынесли из цехов, были поставлены на прежние места. «Не надо заниматься отсебятиной. Впредь любые распоряжения вы должны согласовывать со мной или с секретарём парткома завода», — строго приказал директор. Все подоконники в цехах завода опять заставили цветами. Да что подоконники, между оконными проёмами на стены повесили горшки с традесканцией, разросшейся почти до пола. Чапая они нравились. Теперь он командовал: «Вьющихся сажайте побольше! Они создают в цехах домашний уют и способствуют повышению производительности труда».

Директор опохмелился

Тётя Катя работала уборщицей на заводе. Уже лет десять как работала. В здании заводоуправления она убиралась во всех кабинетах этажа, включая и коридор, в конце которого размещались туалет и кладовка с хозинвентарём. В кладовке на полу лежали веники, тряпки для мытья полов, стояли коробки с хозяйственным мылом и всякими чистящими средствами. На крючке висел халат тёти Кати. Помещение кладовки было небольшое, примерно четыре квадратных метра, тёмное. Уборщица приходила убираться на этаже вечером, когда кончался рабочий день.

Почему-то тётя Катя в понедельник пришла прибраться пораньше. Подошла к кладовке, по привычке протянула руку с ключом к замку, а его на двери нет. Ключ от него был у неё и у секретаря директора как запасной. Взявшись за ручку, хотела открыть дверь, вдруг услышала раскатистый храп, раздававшийся изнутри помещения. Услышав храп, тётя Катя испугалась. Она решила позвать кого-нибудь из мужчин. Кабинеты парткома и профкома были закрыты. Она постучалась в комнату комитета комсомола. Там шло заседание. Тётя Катя извинилась, пожаловалась, что ей нужно делать уборку, а войти в кладовку за инвентарём она боится, потому что там кто-то храпит. «Кто-нибудь пусть пройдёт со мной», — попросила уборщица. Все присутствующие при её просьбе повскакали с мест и помчались к кладовке изгонять храпящего злодея. Комсомольцы шумно бежали по коридору, громко топая, готовые к подвигу.

Услышав шум, из кабинета выбежал тучный Петрович, главный инженер завода. Выяснив в чём дело, он присоединился к молодёжи, громыхая и тяжело дыша, бежал впереди всех. Подбежали к кладовке, рывком открыли дверь. Оттуда на них пахнуло спиртным и раздался голос директора: «Ну и где же здесь нарушитель? Я никого не вижу, потому как никого нет». Он чиркнул спичкой и осветил помещение. «Может кто-то и был, потому что пахнет водкой. Нужно сказать электрикам, чтобы провели свет в кладовку», — добавил директор. Главный инженер удивился, увидев его внутри кладовки с горящей спичкой в руке. «Ты как успел опередить нас, первым войти сюда? Среди бегущих тебя не было. Мне сказала секретарша, что ты в отъезде». «Молчи, — прошептал ему директор, а потом громко сказал, — видишь, как я оперативно реагирую на всякого рода происшествия. Только приехал из министерства, услышал шум, сбросил с головы шляпу и помчался к кладовке. Даже не успел причесаться. Видишь, какой я взъерошенный?» После его слов все комсомольцы вернулись в комнату комитета комсомола продолжать заседание.

Тётя Катя сдёрнула с крючка свой халат, хотела взять с пола новый веник, из сложенных на полу. Смотрит, а на них лежит помятый пиджак директора. Она подняла его, отнесла в кабинет. Секретаря уже не было. Тётя Катя приоткрыла дверь и сказала: «Вот ваш пиджак. Вы его в кладовке на вениках оставили. А это вот тройной одеколон. Прополощите хоть рот-то, а то от вас спиртным несёт». Директор взял у неё флакон с одеколоном и, отвернувшись к окну, сделал из него небольшой глоток. Потом кашлянул, покраснел, вернул ей флакон. «От тебя, Катерина, ничего не скроешь, — сказал он. — Как ты думаешь, они догадались или нет, что я спал в кладовке? После воскресного дня не рассчитал, не в меру опохмелился прямо на работе». «Кто знает? — тётя Катя поправила платок, — они же, эти комсомольцы, такие дошлые. Да вы не берите в голову, обойдётся. Всяко бывает. Вон вы какой находчивый. Я бы не догадалась так сыграть».

У директора это «всяко» частенько было. Поэтому, наверное, кто-то накатал на него в министерство очередную жалобу. Через полгода после последнего случая заводом руководил новый директор.